
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Маргарита Астоянц, Татьяна Киенко

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОТИВАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ ПОЖИЛЫХ РОССИЯН

Исследование, выполненное на данных анкетного опроса 520 жителей Свердловской и Ростовской областей в возрасте от 60 до 98 лет, раскрывает значительные различия в мотивации социального участия пожилых в зависимости от таких социально-демографических характеристик как пол, возраст, семейный статус, уровень образования и трудовая занятость. Полученные данные подчеркивают двойственную природу возраста, выступающего как биологический факт и как социальный конструкт, который формирует разные стратегии социальной активности. Так, у пожилых людей в «ранней старости» (60–69 лет) чаще проявляется прагматическая мотивация, ориентированная на достижение личных целей и материальных выгод. В «средней старости» (70–79 лет) просоциальная мотивация, основанная на желании помочь другим, приобретает более выраженное значение. В «четвертом возрасте» (80 лет и старше) преобладают реципрокные мотивы, ориентированные на взаимопомощь и поддержку со стороны окружающих. Результаты исследования также показали, что уровень ресурсности, определяемый такими показателями как образование, статус занятости, семейное положение и наличие городской инфраструктуры оказывает влияние на направленность мотивации. Высокая ресурсность коррелирует с просоциальной мотивацией: пожилые люди, обладающие высоким

Маргарита Сергеевна Астоянц — д.социол.н., доцент, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. Электронная почта: mastoyanc@sfedu.ru

Татьяна Сергеевна Киенко — к.социол.н., доцент, кафедра социальных технологий, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. Электронная почта: tskienko@sfedu.ru

уровнем образования, стабильным семейным статусом и живущие в городских условиях, чаще мотивированы к участию ради самореализации и помощи другим. Напротив, наличие трудовых, финансовых и семейных обязательств, характерное для работающих старшего возраста, способствует прагматической мотивации. Кроме того, низкая ресурсность (преклонный возраст, низкий уровень образования, проживание в социальных учреждениях) связана с приоритетом реципрокных мотивов. Это говорит о потенциальных рисках принуждения к социальной активности для пожилых людей, находящихся в уязвимом положении. Дефицит ресурсов и зависимость от внешней помощи могут приводить к некритичному принятию любых форм активности, в том числе деструктивных, что может усиливать их стигматизацию и социальную депривацию. Выявленные в исследовании связи между мотивацией социального участия и ресурсностью старшего поколения подчеркивают необходимость гибкой социальной политики, учитывающей разнообразие условий и возможностей для поддержки активного долголетия и вовлеченности пожилых людей в социальную жизнь.

Ключевые слова: социальное участие, люди старшего возраста, мотивация социальной активности

Цитирование: Астоянц М., Киенко Т. (2024) Социально-демографические факторы мотивации социального участия пожилых россиян. *Журнал исследований социальной политики*, 22 (4): 641–658.

DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-4-641-658

В последние годы в России и за рубежом отмечается рост интереса к социальной активности старшего поколения, способствующей сохранению здоровья, благополучия и уровня счастья. Ресурсный подход (Доброхлеб 2004; Павлова 2020), тема культуры участия (Благородова 2024), а также значимость вклада старшего поколения в создание общественных благ и решение социальных проблем (Witsø et al. 2012; Галкин 2024) получают все больше внимания. В то же время устойчивы стереотипы о старости как о неактивном и уязвимом периоде жизни, представление о пожилых как объекте заботы, что ведет к возрастной асимметрии участия, ограничивает возможности старших активно включаться в общественную жизнь (Прохорова 2019; Townsend et al. 2021; Маркеева, Сиянков 2023). Несмотря на стремление людей старших возрастов к социальному участию независимо от занятости и состояния здоровья, их ресурсный потенциал часто игнорируется (Grigoyeva et al. 2024). Недооценка этих ресурсов и мотиваций усиливает стигматизацию и эйджизм и повышает риски неэффективного распределения общественных и государственных ресурсов для поддержания активной жизни россиян.

Социальное участие людей старшего возраста мы определяем как вовлечение в публичные и непубличные, организованные «сверху» и «снизу» (самоорганизованные) практики, предполагающие совместное использование

индивидуальных, групповых и общественных ресурсов в различных видах деятельности, как явных, так и скрытых, прямых и опосредованных формах. Методологической основой исследования является уровневый подход Мелани Левассер и соавторов (Levasseur et al. 2010), который позволяет дифференцировать не только виды активностей, но и степень участия — от причастности до совместной деятельности и ее проактивного инициирования.

В старшем возрасте вовлечение или отказ от участия обусловлены широким спектром мотивов и факторов. Это связано с полимотивированностью человеческой деятельности и гетерогенностью старшего поколения, а также с разнообразием условий старения, конфигураций статусов, ролей и контекстов, которые формируются вокруг человека с возрастом, и отражающие накопленные преимущества и неравенства на протяжении жизненного пути. Среди ведущих мотивов социального участия пожилых людей традиционно выделяются социальные и альтруистические, однако часто игнорируется роль прагматических и гедонистических мотивов. Основные мотивы включают преодоление социальной изоляции, стремление к принадлежности, сплоченности, дружбе и общению (Dare et al. 2018; Townsend et al. 2021), а также потребность в уважении, служении обществу, помощи другим (Li 2010; Прохорова 2019). Важное значение имеет стремление к новым социальным ролям, содержательному досугу, самореализации, участию в социальных изменениях, обретению новых смыслов жизни (Прохорова 2019), сохранению достоинства и автономии (Witsø et al. 2012), проявлению гражданской активности (Lie et al. 2009).

В модели участия как воплощения ценностей выделяются мотивы связи с другими, сохранения автономии, подтверждения своих способностей, стремления быть полезным, поддерживать самоидентичность и достигать личных интересов (Sugarhood et al. 2016). Цели участия дифференцируются на продуктивные («для других») и социально-потребительские («для себя»), социальные («вместе с другими») и гражданские («для социальных изменений»), в том числе мотивы морального долга, генеративности, связи со значимыми людьми и сообществами, социального признания и получения ресурсов, поддержания идентичности и статуса, а также откладывания старения (Киенко 2024). Следуя веберовской логике, мотивацию социального участия пожилых людей можно анализировать как целе- и ценностно-рациональную, традиционную или аффективную. С позиции теории социального обмена, участие понимается как рациональный или иррациональный обмен и взаимопомощь на принципах реципрокности, что особенно актуально в неформальных взаимодействиях. Важно учитывать сложный характер мотивации социального участия в разных контекстах, формах, уровнях и практиках (Киенко 2022; Воробьева 2023).

Несмотря на разнообразие эмпирических данных и типологий, большинство моделей сводят мотивацию социальной активности пожилых людей к обобщенным схемам, не учитывая глубокоую гетерогенность этой возрастной

группы. Недостает исследований, анализирующих внутрикогортные различия, которые усложняют и обогащают мотивы выбора стратегий активности или пассивности у различных пожилых людей. Цель данной статьи — выявить социально-демографические детерминанты мотивации социального участия россиян старшего возраста в различных видах активности.

Эмпирическую базу исследования составили данные анкетного опроса 520 жителей Свердловской и Ростовской областей в возрасте от 60 до 98 лет, проведенного с мая по сентябрь 2023 г. Выборка квотирована по полу (60% женщин и 40% мужчин), возрасту (59,6% — от 60 до 69 лет, 27,8% — от 70 до 79 лет, и 12,5% — от 80 лет и старше), региону (в равных пропорциях) и месту жительства (в Свердловской обл. 15% сельских и 85% городских жителей; в Ростовской области — 35 и 65% соответственно), а также по семейному статусу и условиям проживания (по 25% лиц, проживающих с супругами, в семьях детей и внуков, одиноких, проживающих дома и в социальных учреждениях). Для анализа данных использовались статистические процедуры определения средних значений (*t*-тесты и дисперсионный анализ) и факторный анализ (метод главных компонент с варимакс вращением). Обработка данных проводилась в статистическом пакете *SPSS Statistics 26*.

Мотивация социального участия в социально-демографическом разрезе

Вопрос о мотивации социального участия предварялся блоком вопросов, нацеленных на выявление форм, фокуса и частоты практик на каждом из шести уровней социального участия. Например, респондентам предлагалось ответить на вопросы: «Как часто вы посещаете публичные места и учреждения для решения текущих задач (социальные и бытовые сервисы, больницы, коммунальные службы)», «Как часто вы общаетесь лично или дистанционно (по телефону, почте, видеосвязи и пр.)» и другие, где нужно было указать частоту выполнения практики: от «постоянно» до «никогда». Это позволило респондентам быть подготовленными к вопросу о факторах мотивации, хорошо понимая, о каких именно активностях идет речь в вопросе.

Блок вопросов анкеты, посвященный представлениям респондентов о мотивации социального участия — «Почему люди старшего возраста принимают участие в творчестве, общественной деятельности, активностях» — включал восемь вариантов ответов, из которых респонденты могли выбрать произвольное количество (см. табл. 1). Среди ведущих мотивов социального участия оказались общение и причастность (55,8%), наполненность жизни (44,2%), самореализация (39%) и возможность приносить пользу (34,4%). Значительно реже отмечались прагматические мотивы (решение собственных проблем, повышение статуса, получение доходов, бонусов, развития карьеры) и мотивы взаимности (реципрокности).

Таблица 1

Мотивы социального участия людей старшего возраста

№	Мотивы социального участия	Всего, %
1.	Быть вместе с другими людьми, общаться	55,8
2.	Жить полной жизнью, заниматься интересным делом	44,2
3.	Для самореализации, чтобы применить опыт, знания, потенциал	39,0
4.	Приносить пользу	34,4
5.	Решать собственные проблемы и задачи	16,5
6.	Для повышения статуса, уважения, чтобы быть востребованным	16,9
7.	В ответ на помощь и участие со стороны других людей	14,8
8.	Для получения дополнительных доходов, бонусов, развития карьеры	11,3

Таблица 2

Модель факторного анализа мотивации социального участия

	Факторы	1	2	3
		Процентная направленность	Прагматическая направленность	Реципрокность
1	Быть вместе с другими людьми, общаться	0,563	-0,180	0,163
2	Жить полной жизнью, заниматься интересным делом	0,742	-0,059	-0,099
3	Для самореализации, чтобы применить опыт, знания, потенциал	0,536	0,299	-0,289
4	Приносить пользу	0,479	0,111	0,112
5	Решать собственные проблемы и задачи	-0,051	0,766	0,050
6	Для повышения статуса, уважения, чтобы быть востребованным	0,481	0,492	0,143
7	В ответ на помощь и участие со стороны других людей	0,085	0,078	0,928
8	Для получения дополнительных доходов, бонусов, карьеры	0,016	0,792	-0,027

Результаты факторного анализа (мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО) — 0,642 и значимость критерия сферичности Бартлетта — 0,0001, что свидетельствует об адекватности анализа для нашей выборки) позволили выделить три фактора, объясняющие 63% совокупной дисперсии. Эти факторы интерпретированы на основе

переменных с максимальными факторными коэффициентами (в табл. 2). Первый, включающий мотивы под № 1, 2, 3, 4 интерпретированный нами как просоциальная направленность; он отражает мотивацию респондентов, ориентированных на заботу о других, для которых приоритетны самореализация и саморазвитие через социальное взаимодействие. Второй фактор, сформированный мотивами под № 5, 6, 8 указывает на прагматическую направленность — восприятие социального участия как способа достижения личных целей и получения материальных и нематериальных выгод. Третий, включающий мотив под № 7, определен нами как реципрокность (взаимность), которая предполагает наличие явных и латентных взаимных обязательств между людьми, оказывающими друг другу помощь и поддержку.

Далее мы проанализировали, есть ли отличия по трем выделенным факторам мотивации социального участия среди разных категорий респондентов в зависимости от их социально-демографических характеристик, таких как пол, возраст, уровень образования, тип поселения, трудовая занятость, семейный статус и условия проживания.

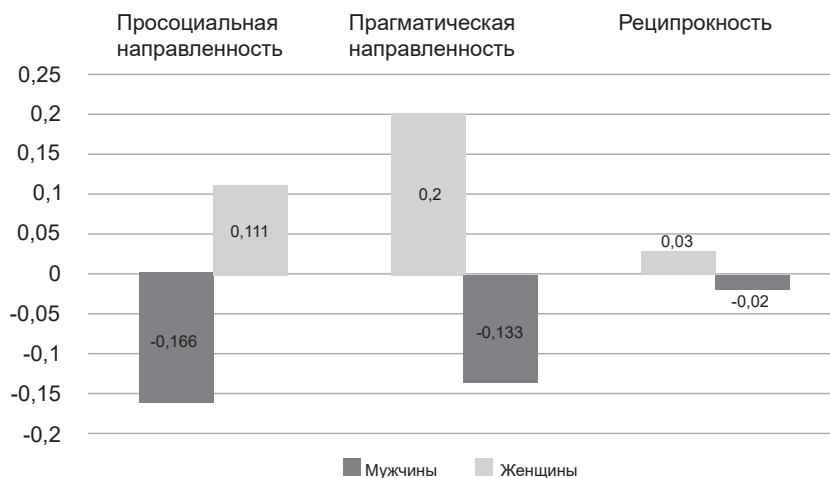

Рис. 1. Мотивация социального участия: различия по полу

Различия по полу. Представлены средние значения мотивационных факторов для мужчин и женщин старшего возраста (рис. 1): положительные значения указывают на влияние фактора на гендерную группу, а отрицательные — на обратное. Абсолютное значение фактора определяет степень его (не) значимости: чем оно больше, тем значимее (или незначимее) данный фактор. Статистический анализ различий с помощью t-теста по средним значениям факторов в зависимости от пола показал, что просоциальная направленность

характерна для женщин, а прагматическая — для мужчин (значимость t-критерия для равенства средних по этим факторам составила 0,002 и 0,000 соответственно). Женщины старшего возраста значимо чаще мужчин принимают участие в творчестве, общественной деятельности и различных активностях ради самореализации и личностного развития во взаимодействии с другими. Мужчины более прагматичны и склонны рассматривать социальное участие с точки зрения выгод и пользы, которые оно может приносить. По фактору реципрокности гендерных различий не выявлено.

Различия по возрасту. В различных возрастных группах мотивационные факторы дифференцированы (рис. 2). Так, для самой «молодой» группы (60–69) преобладает прагматическая направленность мотивации: респонденты этой группы чаще других ориентированы на решение собственных проблем, получение благ и ресурсов, карьерное продвижение. С увеличением возраста прагматическая направленность мотивации снижается: в группе 70–79 лет она приобретает отрицательные значения, а после 80-ти наблюдается дальнейшее уменьшение среднего значения. Это подтверждает отмеченный теоретиками эмоционально-селективной избирательности сдвиг от рациональных к эмоциональным мотивам, возникающий на фоне сокращения горизонтов планирования будущего. Когда время воспринимается как ограниченное (ввиду болезни, кризиса, старения, приближения смерти), приоритет приобретают эмоциональные цели. Таким образом, хронологический возраст связан с осознанием оставшегося времени жизни, и именно это восприятие определяет возрастные различия в социальных целях и мотивации участия (Carstensen et al. 1999).

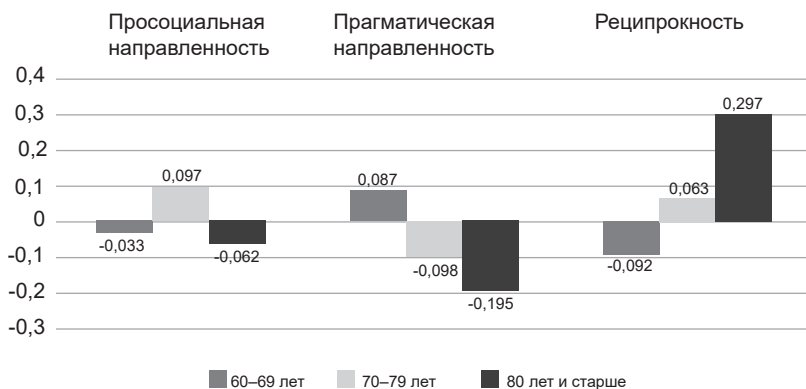

Рис. 2. Мотивация социального участия: различия по возрасту

У респондентов 70–79 лет наблюдается самое высокое среднее значение просоциальной направленности среди возрастных групп, однако анализ с использованием однофакторного дисперсионного анализа

не выявил статистически значимых различий по возрасту. В старшей возрастной группе (80 лет и старше) преобладает мотивация реципрокности, основанная на взаимных обязательствах людей в оказании поддержки и помощи друг другу. Этот тип мотивации становится тем сильнее, чем старше респондент: среднее значение этого фактора принимает отрицательные значения в группе 60–69 лет, несколько увеличивается и становится слабо положительным в группе 70–79 лет и достигает максимальных значений в старшей возрастной группе.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа подтвердили статистически значимые различия по возрасту для прагматической направленности и реципрокности (значимость межгрупповых различий по этим факторам составила 0,013 и 0,000 соответственно). Сравнение мотивационных факторов в трех возрастных категориях с использованием теста T2 Тамхейна показало, что статистически значимо отличается только самая старшая группа (80 лет и старше). Таким образом, для респондентов старше 80 лет характерна мотивация реципрокности, в то время как прагматическая направленность встречается значительно реже (значимость межгрупповых различий по этим факторам — 0,038 и 0,041 соответственно). В возрасте старше 80 лет прагматические интересы теряют свою привлекательность, а значимым фактором социального участия становятся взаимность, стремление приносить пользу и оказывать помощь другим в ответ на их участие. Следует отметить, что просоциальная направленность не имеет значимых возрастных различий, то есть забота о других как способ самореализации характерна для всех старших возрастных групп.

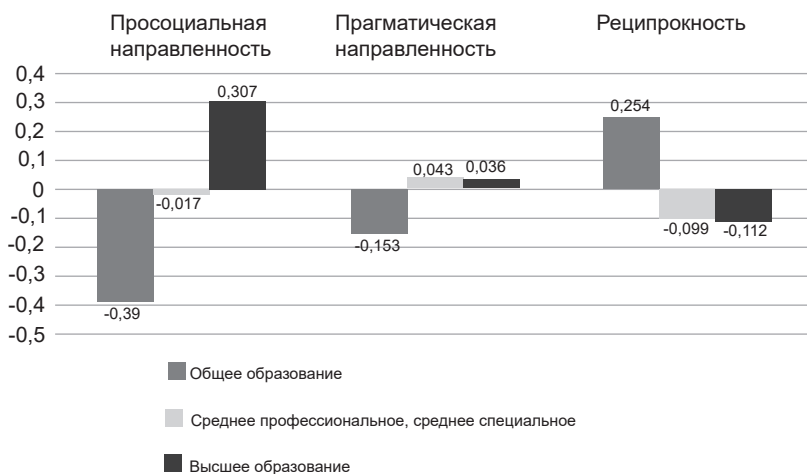

Рис. 3. Мотивация социального участия: различия по уровню образования

Образование. В группе наиболее образованных респондентов преобладает просоциальная мотивация социального участия (рис. 3). Прагматические мотивы в равной мере присущи пожилым людям с высшим и средним профессиональным образованием, тогда как для людей с низким образовательным уровнем такие мотивы нехарактерны. При этом однофакторный дисперсионный анализ не выявил статистически значимых различий по уровню образования. Реципрокность оказалась доминирующей мотивацией социального участия среди респондентов, имеющих общее образование.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа подтвердили статистически значимые различия по уровню образования для факторов просоциальной направленности и реципрокности (значимость межгрупповых различий составила 0,000 и 0,008 соответственно). Применение тестов Шеффе и T2 Тамхейна позволило выявить различия по фактору просоциальной направленности между всеми образовательными группами, однако по фактору реципрокности статистически значимо отличается только группа респондентов с общим образованием. Как показал тест Шеффе, просоциальная мотивация у лиц старшего возраста статистически значимо связана с уровнем образования: среднее значение этого мотивационного фактора оказалось максимальным для лиц с высшим образованием, снижаясь до слабо отрицательного уровня у тех, кто имеет среднее образование, и еще более уменьшаясь в группе с общим образованием. Это согласуется с выводами Марины Григорьевой о прямой связи уровня образования молодых людей с их социальной активностью и стремлением оказывать помощь окружающим (Григорьева 2020). Согласно результатам теста T2 Тамхейна, для пожилых людей с общим образованием основным мотивом социального участия является взаимность (реципрокность).

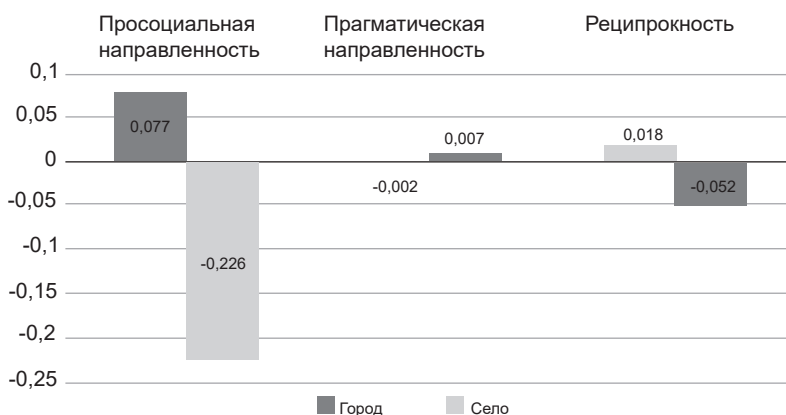

Рис. 4. Мотивация социального участия: различия по типу поселения

Тип поселения (городская – сельская местность). Для горожан старшего возраста приоритетной является просоциальная направленность мотивации, а для сельских жителей — прагматическая (рис. 4). В целом у горожан наблюдается более разнообразный мотивационный репертуар и более выраженная мотивация по большинству типов мотивов. По результатам t-теста статистически значимые различия между жителями сельской местности и городов выявлены по фактору просоциальной мотивации (значимость t-критерия для равенства средних составила 0,003), тогда как различия по прагматической направленности или реципрокности не были статистически значимыми. Средние значения показывают, что просоциальная направленность чаще характерна для горожан. Тип поселения можно рассматривать как сложный социокультурный фактор, влияющий на ценностные ориентации жителей, что связано с различиями в условиях и образе жизни в городской и сельской местности (Трофимова 2014).

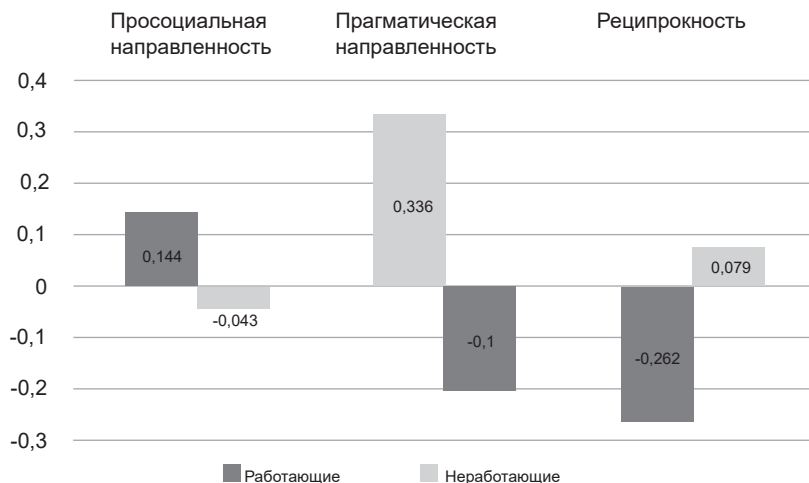

Рис. 5. Мотивация социального участия: различия по критерию трудовой занятости

Трудовая занятость активно влияет на мотивацию социального участия лиц старшего возраста (рис. 5). Т-тест показал статистически значимые различия по факторам прагматической направленности и реципрокности между работающими и неработающими пожилыми людьми (значимость t-критерия для равенства средних по этим факторам составила 0,000 и 0,001 соответственно). Социальное участие работающих лиц старшего возраста в основном мотивировано прагматическими соображениями, тогда как у неработающих преобладает мотивация взаимности. Просоциальная мотивация не зависит от трудовой занятости.

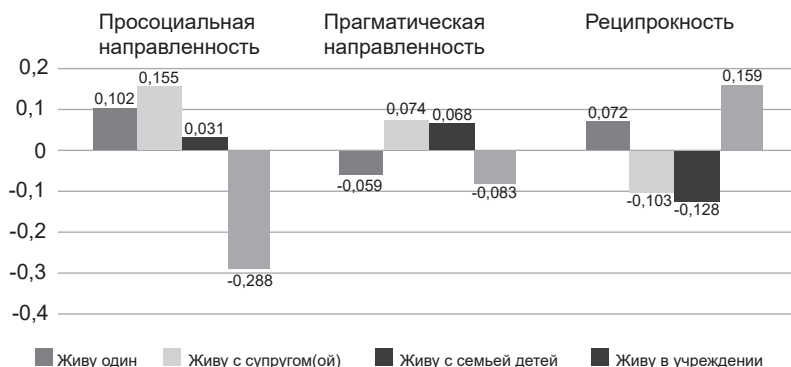

Рис. 6. Мотивация социального участия в группах с разным семейным статусом и условиями проживания

Семейный статус и условия проживания. Пожилые, проживающие с супругами, детьми и внуками или самостоятельно, демонстрируют схожие мотивационные профили, которые отличаются от профиля жителей социальных учреждений (рис. 6). Наибольшие средние значения факторов просоциальной и прагматической направленности наблюдаются у пожилых людей, проживающих с супругами. У тех, кто живет с детьми (внуками) или самостоятельно, средние значения несколько ниже, тогда как для проживающих в социальных учреждениях оба мотивационных фактора имеют низкую значимость. Реципрокность как мотивация социального участия более характерна для проживающих в социальных учреждениях и одиноко живущих пожилых людей, которые более зависимы от внешней поддержки.

Однофакторный дисперсионный анализ выявил статистически значимые различия в мотивации групп с различным семейным статусом и условиями проживания только для просоциальной мотивации (значимость межгрупповых различий — 0,001). Тест Шеффе прояснил отличия мотивации пожилых людей, проживающих в социальных учреждениях (статистическая значимость различий — 0,005 и 0,018 соответственно). Сравнение результатов теста Шеффе со средними значениями показало, что просоциальная мотивация статистически значимо связана с условиями проживания: социальные учреждения значительно ее снижают, в то время как семейное или самостоятельное проживание ей способствует. Вероятной причиной более низкого уровня просоциальной мотивации в условиях социального учреждения может быть статус клиента как объекта заботы, что ограничивает агентность и субъектность пожилого человека.

Обобщенные портреты мотивационных групп. Выявленные различия в мотивации социального участия среди различных категорий респондентов в зависимости от их социально-демографических характеристик позволяют

описать обобщенные портреты типичных представителей трех выделенных мотивационных групп. Понимая, что любая человеческая деятельность мотивирована различными факторами, а наши портреты представляют собой «идеальные типы» с дифференцированными мотивациями, мы учитываем ограниченность и условность этих выводов. Тем не менее портреты помогают определить, какие комбинации таких социально-демографических характеристик как пол, возраст, уровень образования, место проживания, трудовая занятость, семейный статус и условия проживания, скорее всего будут ассоциироваться с определенной направленностью мотивации социального участия людей старшего возраста (см. табл. 3).

Таблица 3

**Значимые социально-демографические переменные,
влияющие на мотивацию социального участия в старшем возрасте**

	<i>Просоциальная мотивация</i>	<i>Прагматическая мотивация</i>	<i>Реципрокность</i>
Пол	женщины	мужчины	
Возраст		60-79 лет	80 и старше
Образование	возрастает с ростом уровня образования		общее образование
Тип поселения	горожане		
Занятость		работающие	не работающие
Семейный статус и условия проживания	проживают в семье (с супругами, детьми/внуками) или самостоятельно		

Просоциальная мотивация характерна для образованных женщин-горожанок, проживающих в семье или самостоятельно. При этом возраст и трудовая занятость не играют существенной роли, тогда как уровень образования является значимым фактором: чем он выше, тем вероятнее просоциальная мотивация, основанная на саморазвитии и самореализации через помощь другим. Типичный представитель прагматично мотивированных пожилых — работающий мужчина младше 79 лет. В этой группе образование, место жительства и семейный статус не имеют значения; ключевыми факторами выступают трудовая занятость и возраст, в котором она возможна, что определяет значимость дополнительных выгод, статусных и карьерных мотивов социального участия. Мотивация реципрокности характерна для неработающих пожилых людей старше 80 лет с общим образованием. Типичным представителем этой группы может быть как мужчина, так и женщина, при этом место жительства и семейный статус

не имеют значения. Эта группа, в отличие от двух других, является низкоресурсной: ее составляют неработающие пожилые люди самой старшей возрастной группы (что, вероятно, указывает и на худшее состояние здоровья) с низким уровнем образования. Несмотря на низкую социальную и статусную мотивацию, их участие побуждается потребностью помогать другим в ответ на полученную помощь и проявленную заботу.

Заключение

В ходе исследования выявлены значительные различия в мотивации социального участия людей старших возрастов по таким параметрам как пол, возраст, семейный статус, уровень образования и трудовая занятость. Во-первых, это указывает на необходимость разработки гибкой социальной политики, учитывающей разнообразие предложений, возможностей и ресурсов для социального участия в старшем возрасте. Во-вторых, такая политика требует детального изучения мнений, целей, запросов и ожиданий пожилых людей, а также доступных им ресурсов в различных регионах, типах населенных пунктов и институциональных пространствах для формирования политики активного долголетия. В-третьих, данные демонстрируют наличие условно «женских» и «мужских», «городских» и «сельских» стратегий участия, предопределяемых различными факторами. Возраст, выступая одновременно как «биологический факт» и социальный конструкт, оформляет внутрикогортные различия, которые проявляются в разнообразии мотиваций: от прагматической в период «ранней старости» к просоциальной в «средней старости» и реципрокной в период «четвертого возраста». В-четвертых, ключевые различия возникают на пересечении разных аспектов статусов, объединяя возрастные и структурные неравенства и преимущества по принципам интерсекциональности и формируя не только «избираемые», но и «навязываемые» стратегии социального участия и неучастия.

Исследование выявило связь между высокой ресурсностью пожилых людей (высокий уровень образования, трудовой и семейный статус, городская инфраструктура) и просоциальной мотивацией социального участия, тогда как наличие обязательств (трудовых, финансовых, семейных) склоняет к прагматической мотивации. Особое значение имеет выявленная связь низкой ресурсности (преклонный возраст, низкий уровень образования, проживание в социальном учреждении) с реципрокными мотивами участия, что косвенно подтверждается отсутствием такой связи в гендерном разрезе. Более глубокое понимание связи между высокой ресурсностью и просоциальной мотивацией, низкой ресурсностью и реципрокной мотивацией может выявить как потенциал для стимулирования, так и риски манипулирования участием. Так, предоставление ресурсов пожилым людям и их сообществам может способствовать не только повышению их активности, но и их вкладу в социальные изменения и в решение социальных проблем.

С другой стороны, уязвимость малоресурсных пожилых, нуждающихся в помощи и часто воспринимаемых как «невидимые» представители зависимых и маргинализированных групп, может приводить к их принудительной социальной активности, которая иногда идет вразрез с личными целями и потребностями. Последняя может вызвать некритичное принятие любых, включая деструктивные, форм участия, а также существующих структур, правил и норм, что усиливает депривацию и стигматизацию.

Учет актуальных мотивов и мотивационных профилей людей старшего возраста позволит выстраивать гибкую и эффективную социальную политику активного долголетия, предлагать привлекательные для них виды и формы конструктивной социальной активности, которые способствуют накоплению значимых ресурсов для пожилых. Это в том числе может способствовать достижению целей социальной политики по увеличению продолжительности и качества здоровой и активной жизни россиян (Golubeva, Emelyanova 2020; Григорьева, Видясова 2024), а также повышению ресурсности, активности и вовлеченности представителей старшего поколения в решение социальных задач и проблем общества и государства (Галкин 2024).

Выражение признательности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00134 ([https://rscf.ru/en/project/23–28–00134/](https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/)) в Южном федеральном университете.

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Список источников

Благородова Е. А. (2024) Культура участия пожилых людей как способ выражения и сохранения идентичности. *Вестник славянских культур*, 72 (2): 64–76.

Воробьева И. Н. (2023) Специфика мотивации разных форм социального участия населения. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, 13 (3): 203–219.

Григорьева М. В. (2020) Специфика форм социальной активности личности и групп в зависимости от социально-демографических характеристик и уровня образования. *Общество: социология, психология, педагогика*, 8 (76): 48–52.

Григорьева И. А., Видясова Л. А. (2024) Отложенное старение и поздняя взрослость: анализ динамики научных публикаций методом тематического картирования. *Журнал исследований социальной политики*, 22 (2): 225–242.

Галкин К. А. (2024) Особенности социологических исследований старения в постпандемическое время. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*, (1): 1–10.

Доброхлеб В. Г. (2004) Ресурсный потенциал старшего поколения в современной России. *Дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05*. М.

- Киенко Т. С. (2022) Локальные практики совместной социальной и творческой деятельности людей старшего возраста: социальный активизм, социальное участие, вовлеченность или вовлечение? *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25 (3): 210–238.
- Маркеева А. В., Синяков А. В. (2023) Социальные факторы психического здоровья и благополучия пожилых россиян. *Успехи геронтологии*, 36 (1): 10–21.
- Павлова И. А., Недоспасова О. П. (2020) Ресурсный потенциал старшего поколения: от уточнения терминологии к разработке рекомендаций по повышению степени его реализации в социуме. *Вестник Томского государственного университета*, (456): 115–127.
- Прохорова Л. В. (2019) Пожилые люди и «серебряное» волонтерство: реальные кейсы. *Вестник НГУЭУ*, (3): 248–259.
- Трофимова И. Н. (2014) Поселенческий фактор социального самочувствия и ценностных ориентаций россиян. *Ценности и смыслы*, 5 (33): 111–123.
- Carstensen L. L., Isaacowitz D. M., Charles S. T. (1999) Taking Time Seriously: A Theory of Socioemotional Selectivity. *American Psychologist*, 54 (3): 165–181.
- Dare J., Wilkinson C., Marquis R., Donovan R. J. (2018) 'The People Make It Fun, the Activities We Do Just Make Sure We Turn up on Time.' Factors Influencing Older Adults' Participation in Community-Based Group Programmes in Perth, Western Australia. *Health & Social Care in the Community*, 26 (6): 871–881.
- Golubeva E., Emelyanova A. (2020) Policy Initiatives on Healthy Ageing in Russia from 2010–2020. *European Journal of Mental Health*, 15 (2): 93–110.
- Grigoryeva I., Parfenova O., Vidasova L. (2024) Factors Influencing Social Participation of Older People in Russia: Study of Practices of Delayed Ageing. *Changing Societies & Personalities*, 8 (1): 14–36.
- Kienko T. (2024) 'You are Needed and You Exist': Motivation for Social Participation of Older Activists, Rostov Oblast, Russia. *Changing Societies & Personalities*, 8 (1): 37–56.
- Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. (2010) Inventory and Analysis of Definitions of Social Participation Found in the Aging Literature: Proposed Taxonomy of Social Activities. *Social Science & Medicine*, 71 (12): 2141–2149.
- Li Q. (2010) Senior Volunteer Service in Urban Communities: A Study in Jinan. *China Journal of Social Work*, 3 (2–3): 273–288.
- Lie M., Baines S., Wheelock J. (2009) Citizenship, Volunteering and Active Ageing. *Social Policy & Administration*, (43): 702–718.
- Sugarhood P., Eakin P., Summerfield-Mann L. (2016) Participation in Advanced Age: Enacting Values, an Adaptive Process. *Ageing and Society*, 37 (8): 1654–1680.
- Townsend B. G., Chen J. T., Wuthrich V. M. (2021) Barriers and Facilitators to Social Participation in Older Adults: A Systematic Literature Review. *Clinical Gerontologist*, 44 (4): 359–380.
- Witsø A. E., Vik K., Ytterhus B. (2012) Participation in Older Home Care Recipients: A Value-Based Process. *Activities, Adaptation & Aging*, 36 (4): 297–316.

SOCIODEMOGRAPHIC DETERMINANTS OF SOCIAL PARTICIPATION MOTIVATION AMONG ELDERLY RUSSIANS

Based on a survey of 520 residents of the Sverdlovsk and Rostov regions aged 60 to 98, significant differences in the motivation for social participation of older people were found in terms of gender and age, family, education and employment status. The data show that age, acting simultaneously as a 'biological fact' and a social construct, shapes intra-cohort differences that are realized in the dynamics from pragmatic motivation in the period of 'early old age' to prosocial motivation in the period of 'middle old age,' and reciprocally by the period of 'fourth age.' The main differences are formed at the intersections of different aspects of status, 'collecting' age and structural inequalities and advantages on the principles of intersectionality, forming not only 'chosen' but also 'imposed' strategies of social participation and non-participation. The study showed a link between the high resource capacity of seniors (high educational, labor, family status, urban infrastructure) and prosocial motivation for social participation, while the presence of obligations (gender, financial, family) tends to choose pragmatic motives. The low resource capacity of an aging person (old age, low level of education, status of a resident of a social service) is directly related to the priority of reciprocal motives for participation. This intensifies the discussion about the risks of low resource capacity of older people as a factor of coercion into social activity (both in line with and against personal goals and needs), uncritical acceptance of all (including destructive) forms of participation, as well as existing structures, rules, and norms that increase deprivation and stigmatization.

Keywords: social participation, older people, seniors, motivation for social activity

Citation: Astoyants M., Kienko T. (2024) Sotsial'no-demograficheskie faktory motivatsii sotsial'nogo uchastiya pozhilykh rossiyan [Socio-demographic Determinants of Social Participation Motivation among Elderly Russians]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 22 (4): 641–658.

DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-4-641-658

Margarita Astoyants — Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Department of Branch and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation. Email: mastoyanc@sfedu.ru

Tatyana Kienko — Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Social Technologies Department, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation. Email: tskienko@sfedu.ru

Acknowledgements

The research was funded by the Russian Science Foundation No. 23–28–00134 (<https://rscf.ru/en/project/23–28–00134/>) at the Southern Federal University

References

- Blagorodova E. A. (2024) Kul'tura uchastiya pozhilyx lyudej kak sposob vy'razheniya i soxraneniya identichnosti [The Culture of Elderly Participation as a Way of Expressing and Preserving Identity]. *Vestnik slavyanskix kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 72 (2): 64–76.
- Carstensen L. L., Isaacowitz D. M., Charles S. T. (1999) Taking Time Seriously: A Theory of Socioemotional Selectivity. *American Psychologist*, 54 (3): 165–181.
- Dare J., Wilkinson C., Marquis R., Donovan R. J. (2018) 'The People Make It Fun, the Activities We Do Just Make Sure We Turn up on Time.' Factors Influencing Older Adult' Participation in Community-Based Group Programmes in Perth, Western Australia. *Health & Social Care in the Community*, 26 (6): 871–881.
- Dobrokhleb V. G. (2004) *Resursnyj potencial starshego pokoleniya v sovremennoj Rossii* [Resource Potential of the Older Generation in Modern Russia]. *Dis. ... Doctor of Economics: 08.00.05*. Moscow.
- Galkin K. A. (2024) Osobennosti sociologicheskix issledovanij stareniya v postpandemicheskoe vremya [Features of Sociological Studies of Aging in the Post-Pandemic Era]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences], (1): 1–10.
- Golubeva E., Emelyanova A. (2020) Policy Initiatives on Healthy Ageing in Russia from 2010–2020. *European Journal of Mental Health*, 15 (2): 3–110.
- Grigorieva I. A., Vidyasova L. A. (2024) Otlozhennoe starenie i pozdnaya vzroslost': analiz dinamiki nauchnyx publikacij metodom tematicheskogo kartirovaniya [Delayed Aging and Late Adulthood: Analysis of the Dynamics of Scientific Publications Using Thematic Mapping Method]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 22 (2): 225–242.
- Grigorieva M. V. (2020) Specifika form social'noj aktivnosti lichnosti i grupp v zavisimosti ot social'no-demograficheskix xarakteristik i urovnya obrazovaniya [Specifics of Forms of Social Activity of an Individual and Groups Depending on Socio-Demographic Characteristics and Level of Education]. *Obshhestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 8 (76): 48–52.
- Grigoryeva I., Parfenova O., Vidyasova L. (2024) Factors Influencing Social Participation of Older People in Russia: Study of Practices of Delayed Ageing. *Changing Societies & Personalities*, 8 (1): 14–36.
- Kienko T. S. (2022) Lokal'nyye praktiki sovmestnoj sotsial'noj i tvorcheskoy deyatel'nosti lyudej starshego vozrasta: sotsial'nyy aktivizm, sotsial'noye uchastiye, vovlechnost' ili vovlecheniye? [Local Practices of Shared Social and Creative Activities of older People: Social Activism, Social Participation, Engagement or Involvement?]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoj Antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25 (3): 210–238.

- Kienko T. (2024) 'You are Needed and You Exist': Motivation for Social Participation of Older Activists, Rostov Oblast, Russia. *Changing Societies & Personalities*, 8 (1): 37–56.
- Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. (2010) Inventory and Analysis of Definitions of Social Participation Found in the Aging Literature: Proposed Taxonomy of Social Activities. *Social Science & Medicine*, 71 (12): 2141–2149.
- Li Q. (2010) Senior Volunteer Service in Urban Communities: A Study in Jinan. *China Journal of Social Work*, 3 (2–3): 273–288.
- Lie M., Baines S., Wheelock J. (2009) Citizenship, Volunteering and Active Ageing. *Social Policy & Administration*, (43): 702–718.
- Markeeva A. V., Sinyakov A. V. (2023) Social 'ny'e faktory' psicheskogo zdorov'ya i blagopoluchiya pozhily'x rossiyan [Social Factors of Mental Health and Well-Being of Elderly Russians]. *Uspexi gerontologii* [Advances in Gerontology], 36 (1): 10–21.
- Pavlova I. A., Nedospasova O. P. (2020) Resursny'j potencial starshego pokoleniya: ot utochneniya terminologii k razrabotke rekomendacij po povysheniyu stepeni ego realizacii v sociume [Resource Potential of the Older Generation: From Clarifying Terminology to Developing Recommendations for Increasing the Degree of Its Implementation in Society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], (456): 115–127.
- Prokhorova L. V. (2019) Pozhily'e lyudi i 'Serebryanoe' volonterstvo: real'ny'e kejsy' [Older People and 'Silver' Volunteering: Real Cases]. *Vestnik NGUEU* [Bulletin of NSUEM], (3): 248–259.
- Sugarhood P., Eakin P., Summerfield-Mann L. (2016) Participation in Advanced Age: Enacting Values, an Adaptive Process. *Ageing and Society*, 37 (8): 1654–1680.
- Townsend B. G., Chen J. T., Wuthrich V. M. (2021) Barriers and Facilitators to Social Participation in Older Adults: A Systematic Literature Review. *Clinical Gerontologist*, 44 (4): 359–380.
- Trofimova I. N. (2014) Poselencheskij faktor social'nogo samochuvstviya i cennostny'x orientacij rossiyan [Settlement Factor of Social Well-Being and Value Orientations of Russians]. *Cennosti i smy'sly* [Values and Meanings], 5 (33): 111–123.
- Vorobyova I. N. (2023) Specifika motivacii razny'x form social'nogo uchastiya naseleniya [Specifics of Motivation of Different Forms of Social Participation of the Population]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: E'konomika. Sociologiya. Menedzhment* [Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management], 13 (3): 203–219.
- Witsø A. E., Vik K., Ytterhus B. (2012) Participation in Older Home Care Recipients: A Value-Based Process. *Activities, Adaptation & Aging*, 36 (4): 297–316.